

КОНЦЕПЦИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ В РОССИИ И ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА**

В статье анализируются результаты реализации Концепции судебной реформы и особенности проводимой в государстве уголовно-процессуальной политики, касающиеся осуществления предварительного расследования и деятельности судов. Автор дает оценку состоянию уголовно-процессуального законодательства, регулирующего предварительное расследование и прокурорский надзор, рассматривает значение и результаты осуществления судебного контроля на стадии предварительного расследования, его позитивное значение и недостатки. В статье отмечаются недостатки процессуального регулирования упрощенных процессуальных форм и предлагаются пути совершенствования законодательства.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная политика, судебная реформа, уголовно-процессуальные формы, судебный контроль, досудебное соглашение о сотрудничестве, прокурорский надзор, государственное обвинение.

Прошедшие 25 лет с момента опубликования Постановления Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» это достаточный срок, чтобы проанализировать положительные и отрицательные стороны процесса проведения реформы, и повод для размышлений о том, что в ней удалось, а что нет.

Современная уголовно-процессуальная политика государства формировалась под влиянием Концепции судебной реформы и учитывала ее основные положения, хотя осуществлялась не всегда последовательно и продуманно.

Авторы концепции предлагали глобальные преобразования в уголовно-процессуальном законодательстве, поскольку считали, что состояние правопорядка в государстве не отвечало потребностям общества, а его улучшение должно определяться не только экономическими и политическими факторами, но и системными недостатками в механизме уголовно-процессуального регулирования.

В Концепции содержался вывод, что суды, прокуратура, органы дознания и предварительного следствия обнаружили несостоятельность усилий по охране законности и правопорядка. Существовавшие способы учета преступлений не отражали реальной картины преступности, которая неуклонно росла. В Концепции были приведены данные министра внутренних дел СССР о том, что 1990 год по количеству совершенных преступлений оказался самым тяжелым за весь послевоенный период. В этом году в РСФСР было зарегистрировано 1 839 451 преступление, что на 13,6 % больше, чем в 1989 году. Одновременно с ростом числа общественно опасных деяний росло число

* © Кириллова Н.П., 2016

Кириллова Наталья Павловна (Kirillova59@mail.ru), кафедра уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

** Статья подготовлена при поддержке гранта NO 16-03-00-109.

нераскрытых преступлений. В частности, в первом полугодии 1991 года удельный вес нераскрытых от общего числа завершённых расследованием уголовных дел повысился с 42,1 до 47,7 % [1].

Спустя четверть века статистические данные свидетельствуют о том, существенного улучшения состояния борьбы с преступностью не наблюдается, что вполне объяснимо экономическими и политическими сложностями проводимых в стране реформ. Так, за 2015 год на территории России зарегистрировано 2 388 476 преступлений, что на 9 % больше, чем за аналогичный период прошлого года; раскрыто 1 254 706 преступлений из числа находившихся в производстве, а не раскрыто 1 047 099 преступлений, что на 7,2 % больше аналогичного показателя 2014 г. [2].

По мнению авторов Концепции, помимо неспособности правоохранительных органов противостоять преступности, ненадлежащим образом обстояли дела с соблюдением прав участников уголовного судопроизводства, в том числе права на судебную защиту. В качестве наследия тоталитарного режима признавалось наличие обвинительного уклона в деятельности суда и в деятельности органов предварительного расследования. В качестве главного аргумента в пользу обвинительного уклона приводились данные о низком проценте оправдательных приговоров.

Помимо необходимости обретения судом полной независимости от органов законодательной власти, в Концепции были сформулированы либеральные направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства. В числе ключевых направлений судебной реформы наряду с введением суда присяжных предлагались следующие: дифференциация форм уголовного судопроизводства; судебный контроль за законностью и обоснованностью производства на ранних стадиях процесса; всемерное развитие принципа состязательности на досудебных стадиях процесса и в судебном разбирательстве; лишение правосудия обвинительных черт; определение жестких критериев допустимости доказательств и введение практики беспощадного аннулирования недопустимых материалов; расширение прав сторон по собиранию и приобщению доказательств; отделение следственных органов от органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность; ликвидация дознания как особой формы расследования; создание единого следственного аппарата; отделение функции руководства расследованием от функции надзора за расследованием; отделение государственного обвинения от надзора за следственной деятельностью. В качестве форм судебного контроля предлагалось законодательно закрепить санкционирование следственных действий, связанных с возможностью ограничения конституционных прав и свобод граждан; последующую проверку законности и обоснованности таких действий и решений органов расследования; разрешение споров между органами, ведущими процесс, и рассмотрение жалоб граждан на органы уголовного преследования. Одновременно суд должен быть освобожден от любых рудиментов функции уголовного преследования [1].

Необходимо отметить, что значительную часть предложений авторов судебной реформы, касающихся либерализации уголовно-процессуального законодательства, законодатель воспринял. Существенно развился судебный контроль; контрольные стадии уголовного процесса дополнены апелляционным производством; сохраняется, несмотря на критику, суд присяжных, осуществляется поиск наиболее оптимальных процессуальных форм, способных противостоять современной преступности.

В то же время особенности уголовно-процессуальной политики государства заключаются в некоторой непоследовательности и непродуманности изменений, вносимых в УПК РФ, что обусловлено отсутствием единой и одобренной на законодательном уровне Концепции уголовно-процессуальной политики, а также лоббированием интересов отдельных ведомств в ущерб общим интересам государства и общества.

Об отсутствии единого подхода к содержанию прокурорского надзора за следствием свидетельствуют многочисленные изменения в УПК РФ, касающиеся то сужения, то расширения полномочий прокурора. Обоснованно объявляя прокурора главой уголовного преследования, законодатель, например, не наделяет его правом возбуждения уголовного дела.

Предложенная Концепцией идея разделения функций надзора за предварительным расследованием и поддержания государственного обвинения в суде представляется ошибочной. За два последних десятилетия эта идея не прижилась. Эффективность уголовного преследования на следствии и в судебных стадиях уголовного процесса в значительной степени зависит от преемственности в его осуществлении.

Степень уверенности государственного обвинителя в высоком качестве расследования, качестве собранного доказательственного материала зависит не только от степени добросовестности подготовки к судебному разбирательству. Недостатки процесса расследования не всегда усматриваются из материалов дела. Они известны следователю и могут быть известны надзирающему прокурору. Однако они в определенной степени скрыты от государственного обвинителя, который не расследовал данное уголовное дело, не надзирал за расследованием и не утверждал обвинительное заключение. Имея в арсенале обвинительной деятельности уголовное дело, государственный обвинитель может быть не готов к неожиданностям, связанным с ошибками или недостатками следствия, которые могут возникнуть в судебном заседании. По нашему мнению, эффективность уголовного преследования в суде может быть усилена не путем разделения функций надзора за следствием и поддержания государственного обвинения, а их соединения. Целесообразно предоставить прокурору соответствующего уровня при расследовании наиболее сложных уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях право принимать решение о назначении потенциального государственного обвинителя еще на этапе предварительного расследования, например после предъявления обвинения. При этом будущий государственный обвинитель должен иметь право наряду с надзирающим прокурором участвовать в проведении наиболее важных и значимых следственных действий, чтобы лично наблюдать за получением и проверкой собираемых доказательств и оценивать судебную перспективу дела. Закрепление и реализация такого права может стать дополнительной гарантией соблюдения прав участников уголовного процесса в ходе расследования. Взаимодействие следователя и государственного обвинителя в процессе расследования очень полезно и уменьшает степень возможных взаимных претензий следователя и государственного обвинителя друг к другу по результатам уголовного преследования. В некоторых регионах встречается прокурорская практика определения потенциального государственного обвинителя еще в процессе расследования.

Улучшению координации процессуальной деятельности органов расследования и органов поддержания государственного обвинения может способствовать совмещение функции процессуального руководства расследованием и поддержания государственного обвинения в суде в одном должностном лице. В этом случае следует исходить из того, что прокурор, надзирающий за расследованием уголовного дела, будет обязан по общему правилу поддерживать по нему государственное обвинение. Это повысит степень его ответственности при осуществлении прокурорского надзора за следствием.

Концепцией судебной реформы предусматривалось обеспечение и расширение процессуальной самостоятельности следователя. Авторы указывали, что самостоятельность следователя и его личная ответственность за проведение следствия должны отличать следователя от чиновника администрации и являться необходимыми условиями успешности и законности расследования дела. Провозглашенная законом про-

цессуальная самостоятельность следователя была, с их точки зрения, декларацией, лишенной реальных гарантий [1].

В настоящее время указанная проблема не решена, а лишь усугубилась. Содержание ч. 3 ст. 39 УПК РФ позволяет заставить следователя осуществлять уголовное преследование вопреки внутреннему убеждению. Указания руководителя следственного органа по любым, в том числе принципиальным, вопросам предварительного следствия являются для следователя обязательными. Право обжалования незаконных или необоснованных указаний руководителя следственного органа не освобождает следователя от обязанности их выполнения, если с позицией своего подчиненного согласится вышестоящий руководитель следственного органа. Уместно вспомнить, что в соответствии с ч. 2 ст. 127 УПК РСФСР, при наличии аналогичного конфликта между следователем и прокурором дело передавалось для расследования другому следователю, что было абсолютно правильно, а процессуальная самостоятельность следователя не являлась пустой декларацией, как полагали авторы Концепции судебной реформы.

Присутствие в уголовно-процессуальном законодательстве судебного контроля можно было бы считать достижением судебной реформы, если бы его содержание не было в некоторой степени формальным. Наиболее эффективным получился конституционный контроль, позволивший привести многие нормы уголовно-процессуального законодательства в соответствие с Конституцией РФ и научивший судебский корпус напрямую применять Конституцию РФ. Что касается судебного контроля, осуществляемого судами общей юрисдикции на стадии предварительного расследования, то его нельзя считать в полной мере эффективным, во всяком случае таким, каким он представлялся разработчикам Концепции судебной реформы.

В период проведения судебной реформы, ориентированной на дополнительную защиту прав участников уголовного процесса, законодатель пришел к выводу, что судебный контроль может стать эффективнее прокурорского надзора или ведомственного контроля, в большей степени может гарантировать законность и обоснованность применения мер процессуального принуждения. Однако на практике процент удовлетворения ходатайств следователей и дознавателей об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу является стабильно высоким. Это наводит на мысль о том, что судебный контроль оказался менее эффективным, чем прокурорский надзор в дореформенном уголовном процессе.

Согласно Отчету о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2015 год, из 154 260 ходатайств об избрании меры пресечения удовлетворено 140 457, что составляет 91 %. Еще выше процент удовлетворения ходатайств о продлении срока содержания под стражей. Из 230 759 таких ходатайств удовлетворено 226 875. Это составляет уже 98,3 % [3].

Можно было бы предположить, что высокий процент удовлетворения ходатайств следователей обусловлен обоснованностью этих ходатайств и тем, что следователи безупречно мотивируют их перед судом. Однако при обсуждении Концепции уголовной политики в Совете Федерации Федерального собрания РФ генеральный прокурор РФ привел данные о необоснованных судебных арестах, чем вызвал закономерные вопросы парламентариев к представителям судебского корпуса. Он, в частности, указал, что в вопросах избрания меры пресечения в виде заключения под стражу доминирует следователь. «Мы ежегодно располагаем сотнями примеров ареста судом обвиняемых вопреки позиции прокурора. С 2008 года таких случаев было более тысячи. Не единичны случаи уголовного преследования лиц, не совершавших противоправных действий, заведомо избыточной квалификации содеянного, в том числе в целях незаконного заключения подозреваемых и обвиняемых под стражу. Только за

2012 год и первое полугодие 2013 года учтены почти 2400 незаконно задержанных и арестованных, получивших право на реабилитацию, однако виновных в этом должностных лиц, привлеченных к уголовной ответственности, несмотря на постановку такого вопроса прокурорами, следствие, как правило, не находит» [4].

Та же тенденция прослеживается и при рассмотрении жалоб на действия, бездействия и процессуальные решения следователя (дознателя), прокурора, рассматриваемых в порядке ст. 125 УПК РФ в 2015 году. Жалобы удовлетворяются редко. В 2015 году из 130 962 жалоб суды удовлетворили 8086, что составляет всего 6,1 % [3].

С нашей точки зрения, недостаточную эффективность судебного контроля можно объяснить тем, что, столкнувшись с новой для них функцией, суды на первоначальном этапе своей деятельности оценивали представленные материалы лишь с точки зрения законности оснований для заключения под стражу, не входя в проверку их обоснованности. Позже позиция судейского корпуса под влиянием Верховного Суда РФ изменилась. Стало ясно, что без проверки обоснованности ходатайств суду сложно принять соответствующее решение. Проверка обоснованности ходатайства следователя требовала анализа фактических обстоятельств дела, что могло привести к предположению вопроса о виновности. В настоящее время позиция Верховного Суда РФ состоит в том, что при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судья обязан проверить, содержит ли ходатайство и приобщенные к нему материалы конкретные сведения, указывающие на причастность к совершенному преступлению именно этого лица, и дать этим сведениям оценку в решении. Оставление судьей без проверки и оценки обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению должно расцениваться в качестве существенного нарушения уголовно-процессуального закона (ч. 4 ст. 7 УПК РФ), влекущего отмену постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу» [5].

Многие судьи продолжают уклоняться от анализа доказательств, подтверждающих обоснованность заключения под стражу подозреваемого или обвиняемого, считая, что это связано с вопросом о доказанности его вины. Верховный Суд РФ неоднократно обращал внимание на то, что, проверяя обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, суд не вправе входить в обсуждение вопроса о его виновности.

По мнению отдельных представителей судейского корпуса, на психологическом уровне вопрос о виновности обвиняемого все-таки предпрещается, так как заключение под стражу из чисто процедурных соображений недопустимо. Судья устанавливает наличие доказательств того, что лицо, о заключении под стражу которого ходатайствует следователь, причастно как минимум к одному из преступлений. Разрешая такое ходатайство, судья осуществляет процесс доказывания, то есть проверяет и оценивает доказательства, представленные сторонами, а равно оценивает доказательства, добытые им самим в ходе судебного разбирательства. Судебные решения, принимаемые в рамках оперативного судебного контроля, преюдициального значения для суда, рассматривающего дело по существу, не имеют, поэтому оснований опасаться предположения вопроса о доказанности вины не имеется. Что касается психологической составляющей при принятии решения о заключении обвиняемого под стражу, то решение этой проблемы находится в плоскости разведения компетенции судей [6, с. 131]

В научной литературе высказывалось мнение о том, что для проверки обоснованности ходатайства следователя суду необходимо непосредственно исследовать представленные следователем доказательства согласно общим условиям судебного разбирательства (гл. 35 УПК РФ). При этом отмечалось, что ни в одном из изученных

исследователем уголовных дел не были допрошены потерпевшие или свидетели по ходатайству защиты для установления оснований для заключения под стражу [10, с. 92–95].

По нашему мнению, это связано с тем, что законодательное регулирование судебного разбирательства, в котором рассматривается и разрешается ходатайство следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога, в отличие от регулирования стадии судебного разбирательства, достаточно схематично и не детализировано. Возможность допроса потерпевших и свидетелей в качестве способа проверки обоснованности подозрения прямо законом не предусмотрена, поэтому суды с осторожностью подходят к возможности удовлетворения ходатайств защиты о допросе этих участников процесса.

По нашему мнению, выделение части представителей судейского корпуса, на которую был бы возложен судебный контроль, и которая была бы освобождена от рассмотрения уголовных дел по первой инстанции, является наиболее целесообразным способом повышения эффективности судебного контроля. Создание института следственных судей, о необходимости которого высказываются многие представители научного сообщества, с нашей точки зрения, нецелесообразно, или, во всяком случае, преждевременно. Следует проверить временем эффективность функционирования выделенных для выполнения функции судебного контроля судей, а затем решить, есть ли необходимость в расширении их компетенции.

Особенностью современной уголовно-процессуальной политики государства является использование упрощенных процессуальных форм, которые все шире применяются как на стадии предварительного расследования (сокращенное дознание), так и в суде (главы 40 и 40-1 УПК РФ). Такая политика направлена прежде всего на реализацию стратегии процессуальной экономии. В порядке главы 40 УПК РФ рассматривается подавляющее большинство уголовных дел. В 2015 году из 219 546 дел, рассмотренных судами первой инстанции, в порядке глав 40 и 40-1 УПК РФ рассмотрено 169 714 дел, что составляет 77,3 %. Для сравнения, в 2007 году в порядке главы 40 УПК РФ было рассмотрено 114,8 тыс. уголовных дел, что составило 41 % от общего числа рассмотренных по существу дел [8].

Возникает опасение, как бы представители судейского корпуса ни разучились решать дела в обычной процессуальной форме, которая требует от них гораздо большего профессионализма.

В научной литературе [9, с. 40–41, с. 60; 11] были предложения распространить особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением на тяжкие и особо тяжкие преступления, по которым санкция превышает 10 лет лишения свободы, что, безусловно, увеличило бы процессуальную экономию не только в судах районного звена, но и в судах второго звена.

Для окончательного решения вопроса о распространении упрощенной процессуальной формы на более широкий круг составов преступлений требуется тщательный анализ качества осуществления правосудия в данной процессуальной форме. Для этого недостаточно определения стабильности приговоров. Во-первых, значительная часть вынесенных приговоров может не обжаловаться. Во-вторых, приговор нельзя обжаловать в связи с несоответствием выводов суда обстоятельствам дела. Проблему позволило бы решить научное исследование, с помощью которого возможно выявить скрытые следственные и судебные ошибки не только путем анализа судебной статистики, но и с помощью социологических исследований путем проведения анкетирования лиц, осужденных в порядке главы 40 УПК РФ. В том случае если процент судебных ошибок, допущенных при производстве в упрощенной форме, не будет превышать аналогичный процент при обычной форме судопроизводства, можно рас-

пространить этот особый порядок принятия решений на иные составы преступлений. В этом случае государство достигнет дополнительной процессуальной экономии без ущерба для конституционных прав граждан.

В 2009 году законодатель инициировал создание процессуального института досудебного соглашения о сотрудничестве между подозреваемым (обвиняемым) и прокурором. Это можно только приветствовать, поскольку такое соглашение может иметь позитивное значение для борьбы с организованной преступностью. Целью данного правового института является стимулирование посткриминального поведения лица, совершившего преступление, которое может заключаться в различных предусмотренных законом формах. Идея законодателя заключалась в том, чтобы сначала получить положительный результат со стороны лица, совершившего преступление, а затем – благоприятные для него уголовно-правовые последствия в судебной стадии уголовного процесса в виде льготы при назначении наказания или даже в виде полного освобождения от уголовной ответственности.

Однако процессуальное регулирование досудебного соглашения о сотрудничестве имеет некоторые изъяны. Законодатель предусмотрел две противоречащие друг другу нормы. В частности, он дополнил ч. 1 ст. 154 УПК РФ пунктом 4 о праве следователя выделить в отдельное производство уголовное дело в отношении обвиняемого, подозреваемого, с которым прокурором заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Правильнее было бы сделать вывод, что следователь лишь вправе, но не обязан выделять уголовное дело в отношении этого лица. Однако из анализа ч. 1 ст. 317.4 УПК РФ можно было сделать и другой вывод – об обязательности выделения уголовного дела в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, с последующим рассмотрением этого дела в упрощенном порядке еще до того, как он изобличит соучастников в суде. Противоречивую судебную практику в вопросе выделения уголовных дел унифицировал Верховный Суд РФ, который в п. 5 Постановления Пленума от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» указал, что «по смыслу ч. 1 статьи 317.4 УПК РФ, в целях применения судом предусмотренного ст. 317.7 УПК РФ особого порядка проведения судебного заседания и вынесения судебного решения уголовное дело в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, подлежит выделению в отдельное производство. В случае же, если данное требование не выполнено, судья назначает предварительное слушание для решения вопроса о возвращении уголовного дела прокурору в порядке, установленном ст. 237 УПК РФ» [10].

Эта позиция Верховного Суда РФ затрудняет расследование и рассмотрение уголовных дел при реализации досудебного соглашения о сотрудничестве. Выделение уголовного дела без острой необходимости может негативно сказываться на расследовании, влияет на его полноту и всесторонность. По нашему мнению, более эффективной является конструкция, при которой выделение уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, должно быть исключительным случаем. Параллельное расследование и судебное разбирательство дел соучастников преступления затрудняет установление истины по делу, может породить судебные ошибки, которые впоследствии сложно устранять. Условия досудебного соглашения о сотрудничестве можно считать полностью выполненными, когда участник такого соглашения дал изобличающие соучастников показания не только на следствии, но и в ходе судебного заседания. Редакция же главы 40-1 УПК РФ предусматривает возможность осуждения такого лица до того момента, когда состоится судебное разбирательство в отношении соучастников, в ходе которого он может изменить

данные в ходе расследования показания, отказаться от дачи показаний в соответствии со ст. 51 Конституции РФ и т. д.

Новое апелляционное основание, предусмотренное п. 6 ст. 389.16 УПК РФ, позволяющее пересмотреть приговор, вынесенный по выделенному уголовному делу, при установлении данных о несоблюдении условий и неисполнении обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, не всегда позволяет исправить судебные ошибки. Соучастники могут быть оправданы именно ввиду неисполнения соответствующим лицом условий указанного соглашения.

По нашему мнению, предварительное расследование таких дел должно быть единым, а судебное разбирательство необходимо проводить в обычной процессуальной форме. Суд путем непосредственного исследования доказательств может сделать вывод о том, выполнил обвиняемый все условия соглашения о сотрудничестве или нет, помогли его показания и иные предоставленные им сведения в изобличении и осуждении соучастников, и только после этого целесообразно применение льгот по наказанию или полное освобождение обвиняемого от ответственности.

Подводя итог анализу некоторых процессуальных институтов, появившихся в процессе реализации положений Концепции судебной реформы, следует отметить, что не все идеи, заложенные в ней, реализованы к настоящему времени. Некоторые из них требуют более качественного законодательного воплощения, основанного на мониторинге применения уголовно-процессуального законодательства. Главным же недостатком проводимой в государстве уголовно-процессуальной политики является отсутствие концепции этой политики, обсужденной с научной общественностью, с правоприменителями, принятой на законодательном уровне. Наличие такой концепции способствовало бы более последовательному законотворчеству и формированию следственной и судебной практики.

Библиографический список

1. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435. Доступ из системы «ГАРАНТ».
2. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2015 года // Генеральная прокуратура РФ: офиц. сайт. URL: http://genproc.gov.ru/upload/iblock/d07/0112_2015.pdf (дата обращения: 20.09.2016).
3. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2015 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417>; дата доступа 20.09.2016.
4. URL: <http://www.council.gov.ru/media/files/41d4a3d29393c52a1bd0.pdf> (дата обращения: 20.09.2016).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2016 № 23 “О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам” // Российская газета. 2016. 1 июня.
6. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2013.
7. Васяев А.А. Достоверные сведения при разрешении вопроса о заключении под стражу // Современное право. 2010. № 6.
8. Судебный Департамент при Верховном Суде РФ: офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417> (дата обращения: 20.09.2016).
9. Лазарева В. Легализация сделок о признании вины // Российская юстиция. 1999. № 5.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Гуртовенко Э.С. Особый порядок рассмотрения уголовных дел в современной модели российского уголовного процесса: инородная конструкция или полезная новелла, требующая развития. URL: www.iuaj.net/modules.php?

References

1. *Postanovlenie Verkhovnogo Soveta RSFSR ot 24 oktiabria 1991 g. «O Kontseptsii sudebnoi reformy v RSFSR»* [The resolution of the Supreme Soviet of the RSFSR dated October 24, 1991 «On the Concept of judicial reform in the RSFSR»]. *Vedomostiakh S"ezda narodnykh deputatov RSFSR i Verkhovnogo Soveta RSFSR ot 31 oktiabria 1991 g.* [Gazette of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR dated 31 October 1991]. No. 44, Article 1435. Retrieved from: System GARANT: <http://base.garant.ru/6318369/#ixzz4LGc6UXQN> [in Russian].
2. *Ofitsial'nyi sait General'noi prokuratury RF. Sostoianie prestupnosti v Rossii za ianvar' - dekabr' 2015 goda* [Official website of the General Prosecutors Office of the Russian Federation. A criminality condition in Russia in January - December 2015]. Retrieved from: http://genproc.gov.ru/upload/iblock/d07/0112_2015.pdf (accessed 20.09.2016) [in Russian].
3. *Otchet o rabote sudov obshchei iurisdiksii po rassmotreniiu ugovolnykh del po pervoi instantsii za 2015 god* [Report on the work performed by the courts of general jurisdiction upon consideration of criminal cases by the first instance during the year 2015]. Retrieved from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417> (accessed 20.09.2016) [in Russian].
4. Retrieved from: <http://www.council.gov.ru/media/files/41d4a3d29393c52a1bd0.pdf> (accessed 20.09.2016).
5. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 24.05.2016 № 23 «O vnesenii izmenenii v otdel'nye postanovleniia Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii po ugovolnym delam»* [Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 24.05.2016 № 23 «On amendments being made to certain resolutions of the Supreme Court Plenum of the Russian Federation on criminal cases»]. In: *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper]. No. 117, 01.06.2016 [in Russian].
6. *Praktika primeneniia Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii. Pod red. V.M. Lebedeva. 6 izdanie pererab. i dop.* [Practice in the application of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. V.M. Lebedev (Ed.). Issue 6, revised and enlarged]. M., 2013 [in Russian].
7. Vasyaev A.A. *Dostovernnye svedeniia pri razreshenii voprosa o zakliuchenii pod strazhu* [Reliable information when adjudication of the question of custody]. *Sovremennoe pravo* [Modern law]. 2010. No. 6 [in Russian].
8. *Ofitsial'nyi sait Sudebnogo Departamenta pri Verkhovnom Sude RF* [Official website of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation]. Retrieved from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3417> (accessed 20.09.2016) [in Russian].
9. Refer to Lazareva V. *Legalizatsiia sdelok o priznanii viny* [Legalization of plea agreements]. *Rossiiskaia iustitsiia* [Russian justitia]. 1999. No. 5 [in Russian].
10. *Elektronnyi resurs: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 28 iyunia 2012 g.* [Electronic resource: Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 28, 2012]. No. 16. Access from legal reference system "ConsultantPlus" [in Russian].
11. Gurtovenko E.S. *Osobyi poriadok rassmotreniia ugovolnykh del v sovremennoi modeli rossiiskogo ugovolnogo protsessa: inorodnaia konstruktsiia ili poleznaia novella, trebuiushchaia razvitiia* [Special order of consideration of criminal cases in present Russian criminal process: a foreign construction or useful new statute, demanding development] [in Russian].

*N.P. Kirillova****CONCEPT OF JUDICIAL REFORM IN RUSSIA AND SPECIAL ASPECTS
OF CRIMINAL PROCEDURE POLICY OF THE STATE****

The article concerns with the analysis of the results of realization of the Concept of judicial reform and particularities of the state criminal procedure policy relating to the implementation of the criminal procedure policy regarding the preliminary investigation policy and the courts activity. The author assesses the status of criminal procedural law governing the preliminary investigation and prosecutors supervision, considering the value and results of implementation of judicial control at the stage of preliminary investigation, its positive and negative sides. In the article the shortcomings of procedural regulation of simplified procedural forms are pointed out and ways of improving legislation are suggested.

Key words: criminal procedure policy, judicial reform, criminal procedure forms, judicial control, pre-trial agreement on cooperation, prosecutor's supervision, public prosecution.

* *Kirillova Natalia Pavlovna* (Kirillova59@mail.ru), Department of the Criminal Process and Criminalistics, Saint Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation.

** *The article is prepared with the support from the grant NO 16-03-00-09.*